

Мартин Лихтмесц

СЛЕПАЯ ЭЛИТА И ГЛОБАЛЬНЫЙ КЛАСС

Кристофер Лэш против Михаэля Зеемана

«Дер Тагесшпигель» опубликовал на прошлой неделе интересную «статью внештатного автора» Михаэля Зеемана, которая первоначально была написана им для «Jungle World», тем не менее, была отвергнута ответственным редактором. Статья значительной частью читается как левая самокритика, которая в конце еще превращается во что-то вроде убеждения самого себя.

Зееман как будто делает репортаж изнутри ставшего дырявым пузыря, жители которого как раз с удивлением обнаруживают, что этот лучший из всех миров населен также «другими», у которых есть совершенно другой взгляд на вещи, чем у них самих.

Мне это напомнило поднимающий настроение комментарий из австрийского журнала «Фляйш» («Мясо», номер 38, 2/2016), где это лопание пузыря описывалось вскоре после 49,7% голосов, отданных за Норберта Хофера. «Кто, черт побери, эти другие?» спрашивал раздраженный автор:

Самое длительное время другие были хоть и многими, гораздо более многочисленными, чем мы, но они были только чем-то вроде наполняющего персонала для отсталых жилых кварталов. Они не были важны. У них, кажется, не было ни музыки, ни каких-либо идей, никакого чувства прогресса, вместо этого скучная работа и автомобили с парковочными местами.

Они были противоположностью обладающей гегемонии власти, и они также не принимали меры, чтобы стать таковой. Мы придумывали мир из гомосексуальных браков, культуры диджеев, «зонтиков» для спасения евро, электромобилей и веганских граждан, и создавали систему, которая внедряла для нас в жизнь вещи, которые мы считали отличными. (Как точно мы создавали эту систему, вовсе не так просто объяснить, но то, что она существует, все противники системы могут подтвердить). Другие также получили гомосексуальные браки, веганских граждан и все это с помощью закона или рынка, поставленными в готовом виде, они же не должны были потреблять это по этой причине. Поэтому иногда другие позволяли себе поворчать, но тогда мы поворачивали ручку регулятора громкости культуры диджеев, она звучала несколько громче и это ворчание исчезало.

Если бы все обстояло так, как мы хотели, то это всегда могло бы так продолжаться.

ТРЕСК! ТРАМП! БАМ! ЗАБОРЫ НА ГРАНИЦЕ! ОРБАН! БАБАХ!

БРЕКСИТ! ХОФЕР!

Кто-то сломал нашу систему.

Похоже на Зеемана (родился в 1977 году):

Западный мир в большом волнении. Отовсюду как из-под земли появляются или усиливаются новые правые движения. От Трампа, через АдГ, АПС, Ле Пен до Брексита. Они, кажется, дают возможность высказаться людям, которые раньше не верили, что смогут получить слово. С тех пор в стороне от «озабоченных граждан» гадают, что могло бы быть причинами этого неудовольствия.

Для нас на другой стороне баррикад это читается в некоторой степени забавно. Какие только, какие же только могли бы быть «причины этого неудовольствия»? Зееман отвергает распространенное объяснение, будто бы озабоченные и недовольные люди являются просто «проигравшими, зависимыми от капиталистической системы глобализации», как слишком простое:

Хотя это и правильно, что масса разочарованных значительной частью пополняется из числа мало зарабатывающих и плохо образованных наемных работников. Но там есть еще и вторая, почти точно такая же большая группа. Средняя буржуазия также хорошо представлена на баррикадах. Хайнц Буде уже говорит о стратегическом союзе рабочего класса и разочарованной буржуазии. Все же, если мотивы оказавшихся в затруднительном положении наемных работников можно объяснить с помощью марксизма, то разгневанные буржуа не очень вписываются в эту картину.

Разве это не странная классовая борьба, в которой рабочие и буржуа борются вместе?

Теперь Зеeman, протирая глаза, и хлопая ресницами, констатирует, что гнев этих рабочих и буржуа направлен, как ни странно, на класс или касту, к которой принадлежит он сам:

Мы? Они действительно имеют в виду нас?

Да, именно так. Рабочие и буржуа объединились, чтобы бороться против некоего третьего класса.

Очевидно в этом «третьем классе» есть какое-то «слепое пятно», и Зеeman просит свое окружение, чтобы оно посмотрело происходящему в лицо:

Вместо того чтобы в своей интерпретации отметить разочарование разгневанных буржуа как скрытую борьбу за распределение благ, нужно однажды послушать, что эти люди говорят. Нужно поставить себя на их место, нужно внимательно выслушать их призывы и осмыслить их концепции. Пусть и не нужно принимать всерьез их страхи, но нужно принять всерьез их лозунги.

Он довольно правильно передает возможную точку зрения нашего лагеря:

Сначала здесь есть рассказ о заговоре, переступающем все партийные границы. Якобы больше не существует настоящей демократии, а есть только лишь объединенная в блок единая партия ХДССДПГСВДПЗЕЛЕНЫЕЛЕВЫЕ. Также средства массовой информации («пресса лжи») с ними заодно. Хорошо ощущается, что против них, наконец, появилось сопротивление (Трампа, Ле Пена, АдГ, АПС, Брексита) и образовалась «настоящая альтернатива» (Альтернатива для Германии, Alt-Right-Movement).

Да, это так. Только это не имеет ничего общего с «заговорами». Для всех, у кого еще есть глаза, это является очевидным и открытым. Но тому, кто застрял посреди этого соуса и плавает сверху на супе, конечно, будет трудно увидеть это.

Легко отбросить эти представления как безумные фантазии, но, если рассмотреть три основных краеугольных камня программики новых правых – миграцию, глобализацию и политкорректность – тогда невозможно отрицать, что в этих сферах действительно существует определенный базовый консенсус в средствах массовой информации и партиях (однажды сделав исключение для ХСС).

Ну, ХСС – это не что иное как «хороший полицейский» ХДС, который еще разыгрывает перед недовольными остаток плюрализма. Он исполняет функцию алиби и клапана. Его отклонения от базового консенсуса, как правило,

минимальны, и он – такая же постоянная составная часть федеральной песочницы, как и все остальные названные партии.

Консенсус, который, однако, охотно воспринимают так, как будто это консенсус всего общества. Так как это благоразумно. Так как это человечно. Так как это единственно правильно. Все же, тогда все должны были бы быть за это. Нет?

Нет, как раз вовсе не «все за это». К удивлению всех тех благонамеренных, которые думали, что они якобы окончательно пришли в мир благоразумных, человеческих и правильных, в котором ничего больше нельзя сделать неправильно. И теперь как раз этой клиентуре Зеeman должен напомнить о том, что «политическое позиционирование – это вопрос перспективы», что является самоочевидностью для каждого правого.

Как говорил Уильям Ф. Бакли:

Liberals claim to want to give a hearing to other views, but then are shocked and offended to discover that there are other views.

(Левые) либералы заверяют, что они хотят прислушаться к другим точкам зрения, и затем оказываются шокированы и оскорблены, когда они узнают, что существуют и другие точки зрения.

Зеeman продолжает:

Так же как Кёльн и Дюссельдорф сами себя считают в корне различными городами, а берлинец видит одну только «Рурскую область», озабоченные граждане видят в нас гомогенную группу.

Как раз наоборот!

Мы не привыкли к этому, так как это противоречит нашему внутреннему восприятию. Но это не играет никакой роли, так как правые воспринимают нас именно так. И нас долго будут связывать таким образом. У Дональда Трампа и Alt-Rightmovement, Движения альтернативных правых, есть для нас имя. Они называют нас глобалистами («the globalists»).

Здесь следовало бы сделать первое возражение: под «глобалистами» подразумевается, в первую очередь, не «пехота» из блогеров, журналистов и «Цифровой богемы», из рядов которой Зеeman вербует своих сторонников, т. е., все те «пайщики» (*Shareholders*) в единообразном, повсеместно распространенном шуме манипуляции общественным мнением, которые надеются, что таким образом они останутся на стороне «выигравших от глобализации» и смогут тоже полакомиться кусочком пирога господства или смогут, по меньшей мере, насладиться его отражением.

«Глобалисты» – это для правого популиста, прежде всего, «крупные звери», интернациональные и наднациональные финансовые силы, экономические силы, силы средств массовой информации и образования, которые пытаются реализовать всемирный «Глобализм открытых границ» (*Open border globalism*), и основная исследовательская лаборатория которых – это в данный момент «западный мир».

Вполне можно было бы обозначить этот комплекс в духе старых левых как «капитализм» (как это делает Бенедикт Кайзер в его превосходных «Тезисах о европейских правых» в актуальном выпуске *Sezession*), и большой и трудной задачей для тех левых, которые «пугаются» того (есть только очень немногие, которым это вообще бросается в глаза!), что они ошибочно думают, по словам Зеемана, что они «по столь многим политическим вопросам вдруг оказываются на стороне Ангелы Меркель», является вопрос, почему именно силы капитала поддерживают сегодня такие их любимые повестки дня как миграцию, мультикультурализм, политическую корректность или «права человека».

Как члена подвергшегося атаке класса Зеемана, тем не менее, интересует прежде всего защита собственного статуса в большой схеме. Его (само-) описание «глобализированного класса информационных рабочих, к которому принадлежит большинство из нас, и который гораздо более гомогенный и могущественный, чем он думает», довольно наглядно и удачно:

Это хорошо образованные, по тенденции скорее молодые люди, которые в культурном отношении ориентируются все больше глобально, которые читают New York Times вместо того, чтобы смотреть телепрограмму ежедневных новостей Tagesschau, у которых много иностранных друзей и много друзей за границей, которые путешествуют много, но необязательно, чтобы ехать в отпуск. Это класс, который живет почти исключительно в крупных городах, которые говорят так же свободно на английском языке, как на своем родном, для которого Европа не что-то абстрактное, а живая прочувствованная реальность, когда он из-за смены места работы переезжает из Мадрида в Стокгольм. (...) Этот новый глобализированный класс сидит в средствах массовой информации, в стартапах и неправительственных организациях, в партиях, и так как он контролирует информацию (либеральные средства массовой информации, лживая пресса), он всюду культурно и политически задает ритм. (...) Этот класс произошел от буржуазии, но эмансипировался от нее. (...)

Когда-то более прогрессивная часть буржуазии начала в социальном отношении теснее соединяться с себе подобными и культурно ориентироваться через границы между странами. Так возник глобальный класс и ускорил культурные изменения глобализации. Глобальные стандарты не только в экономике, но и в политике, культуре и морали. Прогрессивные, все больше глобально ориентированные просто обогнали остальных. Но так как глобализированный класс господствует иначе, и так как его при этом путают с самим обществом, он даже

не замечает этого. У нее нет власти на его стороне и у большинства также нет и безумно больших денег. Наоборот. Глобальный класс хоть и породил очень богатых индивидуумов, прежде всего, в Кремниевой долине, но интересным образом они используют это богатство, прежде всего, для того, чтобы вернуть его в дискурсивный капитал; в другие стартапы или в честолюбивые программы спасения мира. Так как втайне он давно знает, что является настоящим источником его власти: он контролирует дискурс, он контролирует мораль.

Сегодня также нынешние левые – это не что иное, как попутчик и плывущий рядом в большом североамериканско-глобалистическо-капиталистическом потоке:

*Тот, кто читает *Jungle World*, неизбежно принадлежит к этому глобальному классу. Безразлично, какими бы левыми радикалами или даже коммунистами могли бы ошибочно вообразить себя читатели этого издания, но с их картиной мира они, хотя сами они себе в этом никогда и не признаются, гораздо ближе к Обаме и Джастину Трюдо, чем к большинству немцев. Мы вопреки «неолиберальному дерьму» считаем ЕС хорошей идеей и смотрим дома сериалы *Netflix* в оригинале. Мы отказались от региональных и национальных культурных стандартов, идиом (имеются в виду, разумеется, «идиомы»), мировоззрений и также гордимся этим. Мы воротим нос от тех, которые ради своей идентичности и своей структуры ценностей не могут или не хотят отказаться от исходных рамок нации.*

Титульная строка «Тагесшпигеля» кратко сводит тезисы Зеемана к следующему:

Буржуазия утратила прерогативу толкования. Новый, глобальный класс перенял власть. Он контролирует дискурс и мораль.

Американский историк и социальный критик Кристофер Лэш (1932-1994) анализировал и критиковал подъем этого «глобального класса» уже более двадцати лет назад. Лэш был бывшим социалистом, который выступал за консервативный, критический по отношению к капитализму популизм. Самым известным его произведением считается «Эпоха нарциссизма» (1979, немецкий перевод вышел в 1980), удачный и по-прежнему актуальный анализ регрессивных последствий западного потребительского индивидуализма.

Его вышедшая в 1995 году – через год после его смерти – книга «Слепая элита» (*The Revolt of the Elites*, «Восстание элит») упрекала описанный Зееманом класс, прежде всего, в одном: в том, что он все больше отдаляется от жизненного мира «обычных людей» – рабочих и буржуа – и ставит себя на службу, в конечном счете, постдемократическому порядку.

Итак, эта «новая классовая борьба» возникла вовсе не сегодня, и начали ее элиты «глобального класса», а не наоборот. Если гнев «разгневанных буржуа», избирателей Трампа, АдГ, Ле Пен и Хофера бьет по ним сегодня, то они лишь получают расплату за то, что они десятилетиями делали «региональные и национальные культурные стандарты» и «структуру ценностей» (Зееман) презренными, при этом всегда цепляясь за власть и деньги или жадно кося в их сторону. Если они теперь очень невинно «гадают» о том, откуда взялись эти гнев и «неудовольствие», то потому, что они, как писал Лэш уже в 1994 году, стали слепыми по отношению ко всему, что лежит вне их оцифрованного, объединенного, космополитического жизненного мира.

Важно понять, что описанное Зееманом лишение власти буржуазии и рабочего класса не сводится ни к чему другому, кроме как к массивной потере демократического участия, которое все еще гарантируется им на бумаге. В этом участии рабочим и буржуа все больше отказывает медиально-политический комплекс, который одновременно непрерывно болтает о «демократии» и регулярно клеветает на своих противников и критиков как на «недемократов» или «антидемократов». Что же удивительного в том, что эти рабочие и буржуа все больше считают себя обманутыми в отношении своих прав и интересов, и что они со все большим раздражением реагируют на попытки, с одной стороны, терапевтически воспитывать их в соответствии с определенными идеологическими нормами, с другой стороны, порочить и запугивать их с помощью розги политической корректности?

«Информационные рабочие» «глобального класса» сегодня считают своей задачей воспевать господствующий демократический симулякр, «демократуру», как Торстен Хинц называет эту позднюю фазу демократического государства. Как у верховных жрецов дискурса, который больше не является таковым (Лэш говорит об «утраченном искусстве диспута»), и как у получающих выгоду от власти у них нет причины для противостояния статус-кво. Однако Зееман не может это ясно осознать, будучи ослепленным своими классовыми интересами:

Магическим способом буржуазия вопреки владению землей, частному медицинскому обслуживанию и функции руководящих служащих утратила прерогативу толкования. «Вернуть контроль», слоган сторонников Брексита – это настоящий призыв к битве всех этих новых правых движений. Как раз у буржуазии есть чувство утраты контроля. Под этим понимается культурной гегемонии, о которой помнят как о национальном «суверенитете».

В противоположность этому Лэш уже в девяностые годы встал на сторону этой оставленной буржуазии, которая все-таки когда-то считалась становым хребтом демократических институтов. Вопреки всем различиям между США и ФРГ имеется достаточное количество параллелей, которые касаются также нашего

положения – все же мы в большей или меньшей степени американская колония! Следуя за Микки Каусом, Лэш писал:

Согласно Каусу, самая тяжелая угроза для демократии исходит в наше время не так сильно от неравного распределения общественных благ, а скорее от упадка или отказа общественных учреждений, в которых гражданки и граждане встречаются как равные. (...) Дилемма нашего общества, по мнению Кауса, состоит не просто в том, что богачи слишком богаты, а в том, что их богатство, больше чем это когда-либо бывало раньше, изолирует их от обычной жизни. То, что менеджеры и члены более высоких профессий «привычно признаются как сам по себе отдельный общественный класс», Каус считает пагубным развитием, так же, как и «самодовольное презрение, с которым эта каста взирает на экономически и социально менее привилегированных».

К этому Лэш добавляет:

Часть проблемы состоит в том, что мы утратили уважение к серьезному физическому труду.

... здесь я спрашиваю себя, между прочим, не должно ли претенциозное самонаименование «информационный рабочий» компенсировать внутреннее чувство недостаточности по отношению к «настоящей» работе.

Лэш продолжает:

Под «креативной» («творческой») работой мы понимаем абстрактные умственные процессы, которые происходят в студии или офисе, преимущественно при помощи компьютера, а не производство питания, жилых помещений и других жизненно необходимых вещей. Интеллектуальные слои пагубным образом отделены (...) от физической стороны жизни. Их единственная связь с производством – это производство потребителей. У них нет опыта в том, чтобы создавать что-то материальное или долговечное. Они живут в мире абстракций и символов, симулируемого мира, который состоит из сделанных на компьютере моделей мира реальности, «гиперреальности», как ее назвали, в отличие от осязаемой, непосредственной, физической реальности, в которой живут обычные люди.

Описание Лэшем этого класса – к ней относятся такие сферы деятельности как банки, торговля недвижимостью, инженерное дело, консалтинг, публицистика, системный анализ, реклама, издательское дело, кинематограф, телевидение, сфера развлечений, журналистика, университеты, искусства и литература – до мельчайших подробностей сходно с описанием его Зеemanом. Эти элиты «оперируют» на «рынке», располагающего «интернациональным охватом воздействия»:

Новые элиты больше заинтересованы в безупречном функционировании системы как целого, нежели в функционировании какой-либо из ее частей. Их лояльность – если это понятие как таковое не стало анахронизмом в данном контексте – скорее международной, чем региональной, национальной или локальной природы. (...) Перемещения денег и миграции населения через границы между странами трансформировали основные представления о принадлежности. Привилегированные классы в Лос-Анджелесе чувствуют большее родство с людьми их вида в Японии, Сингапуре и Корее, чем с большинством своих собственных земляков.

У этого явления есть далеко идущие политические последствия:

Референдумы об объединении Европы открывали все больше углубляющуюся пропасть между кастой политиков и обычными членами общества, которые опасаются того, что бюрократы и технократы, у которых нет чувства национальной идентичности или национальных уз, станут править европейским экономическим сообществом. Управляемая из Брюсселя Европа станет, по их мнению, все менее подконтрольна народу и будет все меньше служить политическим интересам народа. Международный язык денег заглушит местные языки. Новое усиление этнического партикуляризма в Европе можно объяснить, среди прочего, и такими страхами. (...)

Денационализация экономических предприятий сопровождается формированием класса космополитов, которые сами себя воспринимают как «граждане мира без того, чтобы принимать незначительную часть обязательств, тем не менее, не берут на себя даже самой малой доли обязательств, которые обычно связаны с принадлежностью к какому-либо обществу» (Здесь слова Лэша цитируются по Роберту Райху).

Как уже было сказано: Лэш написал эти слова уже в начале девяностых годов, задолго до Сэмюэла Хантингтона.

По мнению Лэша «владение, господство» стало теперь «навязчивой идеей» «интеллектуальных слоев» – господство, прежде всего, над жизнью по ту сторону «социальных конструкций» (определяющей их идеологии) и «искусственного окружающего мира», против «непредсказуемых случаев изменения человеческого существования». Вместе с тем эти элиты отrekliсь «от самой реальности». В этой связи интересно, вероятно, то, что Зеeman опубликовал книгу о «цифровой утрате контроля».

И вот, если больше нельзя контролировать уже собственные данные и оказывается, что ты сам – только маленькая контролируемая мошка в большой глобальной сети данных, тогда, вероятно, остается компенсация в том, что, по крайней мере, еще можно оказывать влияние на общественные дискурсы,

даже контролировать их. Как говорит сам Зеeman: Глобальный класс «контролирует дискурс и мораль».

В этом отношении это довольно лицемерно, когда он затем через несколько абзацев утверждает:

И так как в противостоянии глобальному классу нельзя победить в моральном отношении и с помощью аргументов, только альтернативным правым остается лишь отказываться в каждой морали и в каждом аргументе.

Но правильно как раз противоположное: Наоборот, «глобальный класс», который через контроль дискурсов сегодня упорно отказывается от любой основанной на аргументах дискуссии (например, о «кризисе с беженцами» и о реальности мультикультурной идеологии), препятствует таким дискуссиям и подавляет их, а именно как раз потому, что он постепенно чувствует, что он настолько застрял в неправоте, что больше не может победить в открытом споре «с помощью аргументов». Иначе едва ли можно объяснить его истерические защитные реакции и их мероприятия в стиле Штази в духе Хайко Мааса. «Глобальный класс» окапывается за идеологическими понятиями и лозунгами, которыми он пользуется как дубинками, чтобы прервать обсуждение.

Снова Лэш:

Как только знание приравнено к идеологии, уже больше не нужно в споре с противниками пользоваться интеллектуальными аргументами или обсуждать их точку зрения. Достаточно дисквалифицировать их как европоцентристов, расистов, сексистов или гомофобов, другими словами: как политически сомнительных.

И:

Культурные войны, которые потрясают Америку с шестидесятых годов, лучше всего можно понять как что-то вроде классовый борьбы, в которой (самоназначенная) просвещенная элита вовсе не пытается навязать большинству (большинству, которое рассматривается как неисправимо расистское, сексистское, провинциальное и ксенофобское) свои представления о ценностях, не говоря уже о том, чтобы убедить это большинство средствами рациональных публичных дебатов, а стремится создавать параллельные или «альтернативные» институты, которые делают всякую дальнейшую конфронтацию с непросвещенными излишней.

Как только теперь «либералы верхнего среднего слоя» наталкиваются на противодействие, они реагируют большей частью раздраженно и агрессивно:

Если они сталкиваются с сопротивлением против этих инициатив (например, гигиеничные или политкорректные крестовые походы), они демонстрируют

брызжущую ядом ненависть, которая скрывается под поверхностью благо-склонной позиции верхнего среднего слоя. Перед лицом противодействия борцы за гуманитарные ценности забывают о либеральных добродетелях, которые они якобы стремятся защищать. Они возбуждаются, становятся раздраженными, самоуверенными и нетерпимыми.

Все же аргументы наших «информационных рабочих» за прошедшее время внушительно разрослись, причем нынешнее состояние лживой прессы, прессы замалчивания и прессы дряни дает нам один повод за другим. Зеeman, пожалуй, все еще так глубоко сидит в своем классовом пузыре, что он совсем не знает, что какие-либо контраргументы вообще существуют.

То, что «глобальный класс», напротив, называет «моралью», понимается им, как правило, только как определенная, абсолютно обусловленная и суженная форма морали, как мораль убеждений и образа мыслей, гипермораль, абстрактная или частная преимущественно использовавшаяся для шантажа мораль; так называемый «моральный» или «гиперморальный» аргумент служит, как правило, для того, чтобы превращать объективные аргументы в «*Hate facts*» и прикрывать обсуждение риторическими дымовыми завесами. Это ведь так просто убаюкивать себя в удобном представлении, что, мол, «мораль» взяли в аренду для себя! Глобальный класс в своей самоуверенности неспособен поставить под вопрос и подвергнуть критике свои собственные представления о морали. Очевидно, почему это так: «мораль» – это ее самое сильное орудие для контроля «дискурса».

При этом «мораль» также большей частью отождествляется с политически корректными идеологемами. Зеeman более или менее также признает это:

Они («культурно зависимые») замечают, что для нас их мир стал слишком малым, что мы чувствуем в себе моральное превосходство, и что мы стремимся к большему. Прежде всего, они замечают, что мы при том добиваемся успеха, что мы на этом пути определяем стандарты, которые постепенно применяются также к ним самим. Экологические, антирасистские, антисексистские стандарты. Как раз политкорректные стандарты. И стандарты, которые при этом девальвируются и вытесняются, когда-то пришли от буржуазии, из времени, когда за ней еще было решающее слово. Это культурная джентрификация.

Сравните это с анализом Кристофера Лэша:

Одновременно надменные и неуверенные в себе новые элиты, в особенности, более высокие круги профессионалов, относятся к массам со смесью пренебрежения и опасения. В США «Middle America» – понятие, которое обозначает как консервативную мелкую буржуазию, так и географическую зону, в которой ее влияние наиболее заметно – к этому времени символизируют все, что мешает прогрессу: «склонность к сохранению традиционной крепкой семьи»,

бездуховный патриотизм, религиозный фундаментализм, расизм, гомофобию, отсталые представления о женщинах. В глазах формирующих общественное мнение образованных людей эти «Middle Americans» безнадежно жалки, старомодны и провинциальны, не знают ничего того, что касается изменений во вкусе эпохи или в интеллектуальных тенденциях, одержимы болезненной страстью к пошлым любовным и приключенческим романам, и отупели от того, что постоянно смотрят телевизор. Они смешны, но также одновременно немало угрожающи, вовсе не потому, что они хотели бы свергнуть существующий порядок, а потому, что решительная защита ими как раз этого порядка, очевидно, руководствуется такими нерациональными мотивами, что она выражается в наивысшей степени интенсивности как фанатичная религиозность, как репрессивная сексуальность, которая иногда прорывается в насилии против женщин и гомосексуалистов, и в патриотизме, который поддерживает империалистические войны и национальную этику агрессивной мужественности.

В этой карикатуре неизбежно можно узнать «Basket of deplorables» Хиллари Клинтон:

Половину сторонников Трампа можно было бы поместить в, как я называю это, «корзинку жалких людей». Они расисты, сексисты, гомофобы, ксенофобы, исламофобы...

На что Трамп ответил через Twitter (10 сентября 2016):

Ух, Хиллари нанесла такие ОСКОРБЛЕНИЯ моим сторонникам, миллионам прекрасных, усердно работающих людей. Это будет стоить ей их голосов.

Как заметил комментатор *American Conservative* уже в апреле: Дух Кристофера Лэша возвращается в феномене Трампа:

Дональд Трамп – это плохой номер в игре в казино. Конечно. Он – классический демагог с дурным характером. Однако он – катализатор для сопротивления сельско-пролетарской (yeoman) Америки против глобализма, «многообразия» (diversity) и прогрессивных догм. Как это могло произойти? – спрашивают себя элиты нации. Они все еще не понимают, в какой степени их высокомерие породило трампизм, или почему кто-то со столь многочисленными недостатками все же выстоял, вопреки всему этому сопротивлению.

Пятьдесят лет леволиберальных кампаний, направленных на то, чтобы сделать американское общество инклюзивным и «корректным» по точно установленным заданным нормам, дали обратный эффект. Осколок среднего класса, соль земли, белая Америка осознала, что ее бросили на произвол судьбы и унизили. Для правящего класса обязательное сочувствие и интерес к «Flyover», глубинке Америке – или ко всей нации, даже можно и так сказать – слабые, расшатанные или даже меньше этого. Дональд Трамп – это демагог, как бы сделанный на заказ для обездоленных.

То, что здесь ожидает «глобалистов», как крупных, так и их «пехоту» в цифровой богеме и в других местах, это расплата за их собственную неспособность, за их собственный провал, за их собственное ослепление, их собственную надменность, их собственную жадность, их собственную необузданность, за их собственный нарциссизм. Вероятно, некоторые в пузыре уже предчувствуют, что все это не может вечно продолжаться таким образом, чтобы не лопнуть с большим хлопком. Вероятно, Михаэль Зеeman уже на лучшем пути к этому познанию. Я на прощание дам ему и его касте еще одну цитату Кристофера Лэша:

Исчезновение способности к самокритике – это надежный признак отмирания интеллектуальной традиции.

Все цитаты взяты из: Кристофер Лэш. Восстание элит, Гамбург, 1995 г.

Перевод с немецкого, 2019 г. На русском языке публикуется впервые!

Источник: <https://sezession.de/56380/christopher-lasch-vs-michael-seemann-blinde-elite-und-globale-klasse>

Библиотека Велесова Слобода, 2019 г.